

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТОД СИГИЗМУНДА КРЖИЖАНОВСКОГО И МИХАИЛА БУЛГАКОВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В. Н. Карпухина, А. А. Мансков

Ключевые слова: художественный мир, художественный метод, мифопоэтика, С.Д. Кржижановский, М.А. Булгаков

Keywords: fiction world, artistic method, mythopoetics, Sigizmund Krzhizhanovsky, Mikhail Bulgakov

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)1-09](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)1-09)

Введение

Статья посвящена рассмотрению художественных установок и становлению художественного метода С.Д. Кржижановского и М.А. Булгакова в 1920–1930-е гг. Этот художественный метод формировался в общем контексте — историческом и культурном, — в котором существовали рядом два писателя начала двадцатого столетия, получившие признание гораздо позже того времени, в котором им пришлось жить. В случае с Булгаковым — через двадцать лет, в случае с Кржижановским — почти через сорок лет после ухода.

Современная научная рецепция текстов Сигизмунда Кржижановского достаточно часто происходит через призму булгаковедческих исследований [Белобровцева; Белобровцева, Кульюс, 2007; Яблоков, 1997; 2014; Карпухина, 2020; Karpukhina, 2023]. В данных исследованиях, однако, не представлен сопоставительный анализ художественного метода Булгакова и Кржижановского. Научная новизна настоящей статьи заключается в представлении комплексного анализа художественного метода рассматриваемых писателей в лингвокультурологическом и аксиологическом аспектах.

Основополагающие аксиологические константы художественного метода М.А. Булгакова и С.Д. Кржижановского были сформированы в историческом контексте эпохи (дореволюционный Киев, Первая мировая и Гражданская войны, Москва 1920–30-х гг.), в литературном и театральном кругах их общения. Вслед за одним из ключевых исследователей творчества Кржижановского, В. Перельмутером, мы с уверенностью можем утверждать, что писатели были знакомы и, более того, в их про-

изведениях имеется обширная аллюзионная «переключка», свидетельствующая об общности их художественного метода.

Методы и материал исследования

Актуальность исследования заключается в необходимости осмысления специфики художественного метода двух писателей-модернистов начала XX века с точки зрения наиболее активно использующейся на сегодняшний день литературоведческой методологии в рамках семиотики, мифопоэтики и лингвокультурологии.

Методы, используемые в работе, включают лингвокультурологический и семиотический анализ текста, а также элементы сопоставительного и компонентного анализа текстовых единиц.

В качестве материала исследования выступают публицистические и художественные тексты С.Д. Кржижановского и М.А. Булгакова, а также дневниковые записи и воспоминания о них, написанные их современниками.

Общий для рассматриваемых писателей контекст эпохи создается сначала в дореволюционном Киеве. Оба родились в этом городе. Булгаков окончил Первую киевскую мужскую Александровскую гимназию в 1909 г., Кржижановский — Четвертую гимназию в 1907 г. Затем последовали годы учебы в университете с его классическим образованием. В год получения аттестата зрелости Кржижановский поступил на юридический факультет Киевского университета, где проучился до 1913 г. Одновременно с юриспруденцией он занимался в университете классической филологией и слушал лекции по истории философии. В 1909 г. Булгаков был зачислен на медицинский факультет того же Киевского университета.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война — еще одна составляющая контекста исторической эпохи формирования обоих писателей. Несмотря на то что университетское образование освобождало Кржижановского от воинской повинности, он пошел добровольцем на фронт, но вскоре был демобилизован по причине слабого зрения и занимался судебной практикой в качестве помощника присяжного поверенного.

Булгаков, напротив, в полной мере испытал на себе тяготы войны, будучи оперирующим хирургом, работавшим в госпиталях Красного Креста. Этот этап биографии писателя не закончился после демобилизации. В 1919 г. он был призван повторно на военную службу в ряды Белой армии (для пополнения действующих частей требовались врачи и медработники) и отправлен во Владикавказ, где шли ожесточенные бои на фронтах Гражданской войны.

Впоследствии киевские воспоминания о переломных моментах Гражданской войны нашли отражение в иронической текстовой переключке писателей. В очерке «Киев-город» (1923) Булгаков пишет: «Когда небесный гром (ведь и небесному терпению есть предел) убьет всех до единого современных писателей и явится лет через 50 новый настоящий Лев Толстой, будет создана изумительная книга о великих боях в Киеве. Навивутся тогда книгоиздатели на грандиозном памятнике 1917–1920 годам. Пока что можно сказать только одно: по счету киевлян, у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил» (Михаил Булгаков. Собрание сочинений. Т. 2. 1989. С. 307–308). Эта же фраза отзовется потом и в авторских историко-философских отступлениях романа «Белая гвардия». Два года спустя Кржижановский устами рассказчика новеллы «Автобиография трупа» (1925) даст свою версию событий, происходивших тогда в Киеве: «Вся эта игра в помирушки могла бы длиться и длиться, если бы вдруг не застучали пушки.... Случай забросил меня на южный плацдарм. Город, в котором я жил, был попеременно под тринадцатью властями. Придут. Уйдут. Возвратятся. И снова. И каждая власть ввозила: пушки и штемпельные приборы» (Сигизмунд Кржижановский. Сказки для вундеркиндов. 1991. С. 403–404).

М.А. Булгаков приехал в Москву в сентябре 1921 г., С.Д. Кржижановский — в марте 1922 г. В первый год жизни в столице оба писателя занимались журналистикой. Булгаков писал фельетоны, Кржижановский — короткие очерки о Москве. Позже сотрудничество с А.Я. Таировым позволило Кржижановскому преподавать в Экстемас (Экспериментальные театральные мастерские при Камерном театре). Булгаков тоже оказался связан с этим театром (постановка А.Я. Таировым «Багрового острова»).

Оба писателя принадлежали к одному и тому же московскому литературному кругу. Их общими знакомыми были известные современному читателю Андрей Белый, Борис Пастернак или не столь широко известные Георгий Шторм, первый московский сослуживец Булгакова, впоследствии сделавший все возможное, чтобы книги другого талантливого киевлянина вышли в печать; Петр Зайцев, создавший в двадцатых годах литературный кружок, где оба писателя были почетными гостями; издатель Михаил Левилов, с которым неоднозначно сложились отношения у автора «Белой гвардии» и который был большим поклонником творчества Кржижановского; блестящий актер театра Вахтангова Р.Н. Симонов и многие другие. Оба писателя выступали с чтением своих текстов на Никитинских Субботниках. С разницей в год пи-

сатели побывали еще в одном «сакральном» литературном убежище — в Доме Поэта у Максимилиана Александровича Волошина в Коктебеле (Булгаков с Л. Е. Белозерской-Булгаковой — в 1925 г., Кржижановский с А. Г. Бовшек — в 1926 г.).

Личное знакомство было, об этом упоминают многие исследователи, изучающие творчество Кржижановского и Булгакова¹. Биограф Кржижановского В. Перельмутер пишет в комментариях к повести «Автобиография трупа»: «Между этими писателями еще с киевской поры установились дружеские, хотя без особой близости, отношения; в двадцатых годах они довольно часто виделись: Булгаков бывал на выступлениях Кржижановского и (по свидетельству С. Макашина) у него в гостях»; цит. по (Сигизмунд Кржижановский. Сказки для вундеркиндов. 1991. С. 685). В эссе «Прозеванный гений» В. Перельмутер приводит рассказ литературоведа С. А. Макашина, который в 1920-х гг. работал секретарем музыкальной редакции в издательстве «Энциклопедия», где Кржижановский был контрольным редактором. «Однажды за обедом в Доме Герцена (рядом с которым Кржижановский предлагал открыть частную лавочку, торгующую темами, заглавиями, концовками и прочим дефицитным „писательским“ товаром) он представил Макашина Михаилу Булгакову, подсевшему к их столу запросто, на правах давнего, еще киевского, знакомого. Кржижановский увлеченно рассказывал — и разыгрывал — эпизоды из сценария „Праздника святого Йоргена“, который писал для Протазанова, а Булгаков уморительно комментировал это представление. Позже — опять-таки с Булгаковым — Макашин побывал в гостях у Кржижановского, в его крохотной арбатской „квадратуре“» (Сигизмунд Кржижановский. Сказки для вундеркиндов. 1991. С. 11–12).

Упоминание посещений Кржижановского Булгаковым обнаруживается и в комментариях В. Перельмутера к новелле «Квадратурин»: «Эпизод с комиссией переключается с соответствующим фрагментом повести М. Булгакова „Собачье сердце“, и, вероятно, не случайно: Булгаков бывал у Кржижановского и его жены на Земледельческом в ту пору, когда работал, в частности, и над этой повестью» (Сигизмунд Кржижановский. Сочинения. Т. 1. 2001. С. 677).

Общее театральное пространство 1920–1930-х гг. было для Булгакова и Кржижановского еще одним локусом формирования аксиологических ориентиров их художественного метода. Булгаков и Кржижановский были свидетелями творчества целой плеяды талантливых режиссеров, определивших пути развития современного театра. «Кржижанов-

¹ См. исследования [Ливская, 2009; Белобровцева; Белобровцева, Кульюс, 2007 и др.].

ский — современник и очевидец, быть может, единственного в истории театра „парада планет”: Станиславский и Курбас, Марджанов и Мейерхольд, Вахтангов и Михоэлс, Таиров и Михаил Чехов (кстати, со всеми, кроме Вахтангова, он был знаком)» (Там же, с. 12). Кржижановский был известен не только как прозаик-новеллист, но и драматург. Однако судьба его постановок не была счастливой. По идеологическим причинам «не увидели сцены ни предназначавшаяся Таировскому театру „условность в семи ситуациях” — „Писаная торба”, ни исторический фарс-мюзикл „Поп и поручик” (композитор С. Василенко), за право постановки которого спорили семь городов и, в частности, такие режиссеры, как Рубен Симонов, Николай Акимов, Валерий Бебутов» (Там же, с. 58).

Таким же образом обстояла ситуация и с произведениями для сцены М.А. Булгакова. А. Смелянский полагает: «Большинство пьес, которые реально могли бы развернуть перед современниками „театр Булгакова”, равно как и большинство его инсценировок, либретто, остались невостребованными» (Михаил Булгаков. Собрание сочинений. 1990. Т. 3. С. 573).

Опыт творческой работы в московском Художественном театре, в вахтанговском театре и плодотворное сотрудничество с А.Я. Таировым, активное общение с актерами и режиссерами Красного театра в Ленинграде дали Булгакову возможность тонко чувствовать и понимать особенности языка современной сцены. Писателю были известны практически все только что поставленные в Москве — в любом театре — пьесы, в том числе все музыкальные новинки² [Дневник Елены Булгаковой. 1990], его позиция театрального критика была достаточно жесткой в отношении театра Вс. Мейерхольда, что нашло отражение в литературно-драматической полемике Булгакова и Маяковского. Богатейшие возможности Булгакова-драматурга отражают его великолепные инсценировки гоголевских «Мертвых душ», толстовского романа «Война и мир», а также «Дон Кихота» Сервантеса, браться за которые отважился бы только человек, профессионально владеющий всеми тонкостями сценического воплощения прозаического текста.

В 1927 году «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» шли с аншлагами на сценах знаменитых московских театров. К ним присоединился еще «Багровый остров», к сожалению, с непродолжительной сценической жизнью. Период прижизненной славы Булгакова был слишком кратковременным. В скором времени имя его стало нарицательным и при-

² Из наиболее интересных ситуаций творческого сотрудничества Булгакова с талантливыми современными композиторами стоит отметить его совместную работу с Б. Асафьевым, И. Дунаевским, личное знакомство с Д. Шостаковичем.

обрело одиозный характер, далее последовали запреты на постановки и травля. И если публикаторы булгаковских текстов сумели представить их в 1960-е гг., то тексты Кржижановского стали известны широкому кругу читателей только в 1990-е гг. А. Г. Бовшек, жена Кржижановского, сумела отдать в фонд РГАЛИ все его рукописи — в большинстве своем неопубликованное прежде художественное и научное наследие писателя. Третья жена Булгакова, Елена Сергеевна, еще в 60-е гг. сумела познакомить читателей с главной книгой мастера. Благодаря биографам, текстологам и литературоведам Вадиму Перельмутеру, Лидии Яновской, Рите Джулиани, Мариэтте Чудаковой читатели получили великолепные обширные комментарии ко всем текстам авторов.

Результаты исследования

Хронологически время писательской деятельности Кржижановского и Булгакова совпадает с основными этапами развития модернизма в России. В их творчестве находят отражение черты, свойственные модернистскому сознанию: интертекстуальность, мифологизм, феномен игры и т.д. Эта тенденция объясняется общим историко-культурным контекстом и художественными установками исследуемых авторов.

Модернизм в России, в отличие от западного, не мог полноценно развиваться, он был идеологически запрещенным явлением. Если на Западе существовали модернистские школы, а также целые направления внутри данной парадигмы, то русские писатели не имели возможности для этого. Обозначенная особенность русского модернизма определяет специфику произведений Кржижановского и Булгакова. С одной стороны, в произведениях писателей выкристаллизуются основные черты, характерные для западноевропейского модернизма, с другой стороны, они не укладываются в рамки стандартных представлений о модернизме (см., например, работы: [Топоров, 1995; Лотман, 2000; Капрусова, 2020; Кольшева, 2021; Мансков, 2022; 2023; 2024; Карпухина, 2020; 2023; Weeks, 1996 и др.]).

Текстам Кржижановского свойственны типологические черты модернистских произведений [Моисеева, 2002; Ливская, 2009; Лунина, 2009]. Многие зарубежные исследования по творчеству Кржижановского подтверждают данную точку зрения. Например, в работе слависта Ф. Ф. Ингольда имя Кржижановского упоминается вместе с именами других писателей-модернистов — М. Булгакова, Б. Пильняка, Л. Леонова: «Erst mit der politischen Wende von 1989/1991 und der nachfolgenden Lockerung der staatlichen Zensur wurde das umfangreiche Werk des Schriftstellers Sigismund Krzyzanowski (1857 bis 1957) — auszusprechen “wie Kschischanowski” —

zu einem fassbaren Faktum der literarischen Moderne Russlands. Heute gilt der Autor, der in der einstigen UdSSR aus ideologischen Gründen während Jahrzehnten mit einem mit Publikationsverbot belegt war, als einer ihrer herausragenden Repräsentanten, vergleichbar mit den größten seiner Zeitgenossen — mit Bulgakow, Pilniak, Leonov» [Ingold].

Для Кржижановского обращение к мифологическим образам и сюжетам было связано не только с особенностями творческой индивидуальности, но и являлось своеобразным способом восприятия реальности, то есть мифотворчество служило призмой, особым образом преломляющей происходящие события. Реальность, изображаемая в произведениях, являлась не простым мимесисом, а видоизмененным посредством мифологических кодов художественным образом, обладающим сильным эффектом воздействия на сознание читателя. Характер и формы данного воздействия могли быть различными в зависимости от художественного дарования того или иного писателя. Кржижановский создает собственную индивидуально-авторскую мифологию, которая, в свою очередь, выступает определенного рода альтернативой реальности: мир становится тождественным мифу, а миф миру.

Булгаков считал себя продолжателем классических реалистических традиций в литературе и с большой долей раздражения писал о «новых веяниях» в искусстве 1920-х гг. Несмотря на это, в его романах обнаруживается большое количество интертекстуальных аллюзий и реминисценций, отсылающих читателя к различным произведениям русской и мировой литературы (см. [Джулиани, 2020, с. 138-139]). Так же обстоит ситуация и с мифотворчеством в его художественном мире. Лучшим подтверждением для этого является роман Булгакова «Мастер и Маргарита», сотканный из многочисленных мифологем. Наличие игрового начала в произведениях писателя также не вызывает сомнения, так как объясняется интермедийным аспектом его текстов.

Оба писателя считали себя реалистами, однако генезис реализма был различным. Кржижановский свой метод обозначал как «экспериментальный реализм». Эта мысль становится лейтмотивом литературоведческой работы писателя «Страны, которых нет»: «Техника изложения и у народных сказаний, и у Свифта, и в рассказах Дон Кихота сходна. Описания их чрезвычайно реалистичны, признаки вещей их соотношения взвешены на аптечных весах, логика не железная, а, я бы сказал, стальная, но самые-то вещи и их признаки либо чудовищно увеличены, либо фантастически уменьшены. Это живые воплощения гиперболы со знаком плюс или минус» (Сигизмунд Кржижановский. Сочинения. Т. 5. 2006. С. 132). По мнению писателя, в основе всех фантастических по-

строений сюжета находится гипербола. Это правило работает в художественном мире Кржижановского, но не полностью. По своему складу мышления автор «Сказок для вундеркиндов» стремился к рациональному объяснению действительности. При этом он сам оказывался пойманным в ловушку собственных интеллектуальных построений. Обозначенная особенность составляет одну из граней художественного своеобразия текстов Кржижановского, а также подтверждает исследовательскую установку о включенности его творчества в модернистскую парадигму.

Подобное утверждение справедливо и применительно к булгаковскому художественному методу. «У современников Булгаков пользовался репутацией консервативного художника. Катаев был поражен интересом Булгакова к Бунину: Катаеву казалось, что для Булгакова Бунин должен выглядеть „уже модернистом“» [Петровский, 1989, с. 390].

Основными своими учителями в литературе Булгаков неизменно считал Н. В. Гоголя, А. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, на протяжении всей жизни он обращался к текстам А. С. Пушкина и Ж.-Б. Мольера. Однако жанровая «эклектичность» каждого из произведений Булгакова, совмещающих фактически все жанры (от остросатирического гротеска до трагедии), определенно позволяет отнести его творчество к модернизму: «Михаил Булгаков и русский авангард — это тема большого размаха, систематические исследования которой еще впереди» [Джулиани, 1988, с. 312]; «в текстах Булгакова проявляется одна из его отличительных особенностей как писателя: его способность синтезировать все, чего достиг реализм XIX в. и модернизм XX в. Необходимо отметить, что это вовсе не обычный эклектизм, поскольку здесь выражается основная авторская идея континуальности культуры, демонстрирующая возможность принятия нового без категорического отвержения старого, что было характерно для многих писателей той эпохи» [Haber, 1998, p. 78]; см. также: [Russell, 1998]. «Мерцающая» интертекстуальная структура булгаковских текстов тоже позволяет говорить о его родстве скорее с писателями-модернистами, при этом диапазон межтекстуальных связей очень широк — от переосмысленных библейских и мифологических текстов до прецедентных текстов русской классики и актуальных для писателя текстов его собственной эпохи.

Заключение

С. Д. Кржижановский называл свой художественный метод «экспериментальным реализмом». Нередко в его произведениях понятие «реальное» доходит до крайней степени выражения, после которой наступает смещение акцента апперцепции и начинается ирреальное. Именно

на этой стадии активизируется мифологическое сознание, определяющее характер взаимодействия элементов художественного мира писателя. В сущности, за всеми художественными построениями Кржижановского оказываются те или иные мифологические системы. Автор может обращаться к ним осознанно, используя для своих текстуальных построений элементы различных мифологий, либо бессознательно (как в случае «бродячих сюжетов» или архетипических представлений, транслируемых в тексты).

М.А. Булгаков в своих текстах зачастую использует «сплав» жанров («Бег» начинается трагически, заканчивается откровенным фарсом; «Багровый остров», начинающийся как фарсовая пародия, заканчивается трагедией; «Зойкина квартира», по словам самого писателя, — «трагическая буффонада»). Он обращается к своему читателю / зрителю как к соавтору, как это делали художники-модернисты, конструируя общее пространство с воспринимающей аудиторией и одновременно моделируя «свою» аудиторию для текста. Практикуя в фантастических пьесах («Адам и Ева», «Блаженство») жанр социальной антиутопии, Булгаков идет не по пути социалистического реализма, как его оппонент Маяковский в этом жанре, а выбирает версию антиутопии, которая возникнет лишь в середине XX века в английской и французской литературе.

Таким образом, несмотря на разность мировоззрений и творческих установок, Кржижановский и Булгаков были писателями своего века: их художественный метод, «фантастический реализм», граничащий с модернистским экспериментализмом в области жанров и мифопоэтики, мог появиться только в историко-литературном контексте переломной эпохи начала XX столетия. Художественный мир текстов Сигизмунда Кржижановского и Михаила Булгакова, в котором пространство глубочайших философских прозрений граничит с прекрасно известным обоим писателям театральным пространством буффонады, является миром творения новых мифов — мифов нового социального пространства и времени, где в интермедияльном и интертекстуальном локусе действуют уже совсем иные персонажи неклассической культурной парадигмы.

Библиографический список

Белобровцева И. Услышанный мир: о «фоносфере» Сигизмунда Кржижановского. <https://sites.utoronto.ca/tsq/14/belobrovceva14.shtml>

Белобровцева И., Кульбюс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. М.: Книжный клуб 36.6, 2007. 496 с.

Джулиани Р. Булгаков и герои «Мастера и Маргариты» в зеркале меланхолии // Роман Булгакова «Мастер и Маргарита»: диалог с современно-

стью: колл. монография. СПб.: Изд-во РХГА им. Ф.М. Достоевского, 2020. С. 137–149.

Джулиани Р. Жанры русского народного театра и роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: сб. статей. М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1988. С. 312–333.

Капрусова М.Н. Мотив разрушения / нарушения нормы в жилище в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Acta Eruditorum. 2020. № 1. С. 120–124. <https://doi.org/10.25991/AE.2020.34.1.024>

Карпухина В.Н. Семиотика пространства в переводах текстов М.А. Булгакова и С.Д. Кржижановского на английский язык // Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: диалог с современностью: колл. монография. СПб.: Изд-во РХГА им. Ф.М. Достоевского, 2020. С. 218–230.

Кольшева Е.Ю. Пространство «вечного дома» в истории текста романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 1. С. 107–118. <https://doi.org/10.20339/PhS.1-21.107>

Ливская Е.В. Философско-эстетические искания в прозе С.Д. Кржижановского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 219 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.

Лунина И.В. Художественный мир новелл С.Д. Кржижановского: человек, пространство, коммуникация: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2009. 166 с.

Мансков А.А. Зрение и слух в художественном мире С.Д. Кржижановского // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 63–72. <https://doi.org/10.17223/18137083/78/5>

Мансков А.А. Процесс психического омертвления персонажа в новелле С.Д. Кржижановского «Автобиография трупа» // Сибирский филологический форум. 2024. № 3 (28). С. 70–81. <https://doi.org/10.24412/2587-7844-2024-3-70-81>

Мансков А.А. С. Кржижановский и В. Брюсов: особенности художественного диалога // Языки и литература в поликультурном пространстве. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 85–91.

Моисеева Е.Е. Художественный мир прозы С.Д. Кржижановского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 23 с.

Петровский М. Михаил Булгаков и Владимир Маяковский // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени: сб. статей. М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1988. С. 369–391.

Топоров В.Н. «Минус» — пространство Сигизмунда Кржижановского // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в обла-

сти мифопоэтического. М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура», 1995. С. 476–574.

Яблоков Е. А. Западно-восточный дурак: Смысловая гибридность в комедиях А. Платонова и С. Кржижановского // Гибридные формы в славянских культурах. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 264–274.

Яблоков Е. А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. М.: РГГУ, 1997. 199 с.

Haber E. C. Mikhail Bulgakov: The Early Years. Cambridge, Mass.; London, England: Harvard Univ. Press, 1998. 285 p.

Ingold F. P. Der Augenblick der Wortlosigkeit. Eine Meistererzählung von Sigismund Krzyzanowski. <https://www.nzz.ch/feuilleton/buecher/der-augenblick-der-wortlosigkeit-1.18696273>

Karpukhina V. N. Mikhail Bulgakov's Satire: Zoomorphic Semiotic Codes // Языки и литература в поликультурном пространстве. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 71–76.

Russell R. The Modernist Tradition // The Cambridge Companion to the Classic Russian Novel / Ed. by Malcolm V. Jones, Robin Feuer Miller. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 210–232.

Weeks L. D. Houses, Homes, and the Rhetoric of Inner Space in Mikhail Bulgakov // The Master and Margarita: A Critical Companion / Ed. by Laura D. Weeks. Evanston (Ill.): Northwestern Univ. Press, 1996. P. 143–163.

Список источников

Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны. М.: Худож. лит., 1989. 751 с.

Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Пьесы. М.: Худож. лит., 1990. 703 с.

Дневник Елены Булгаковой. М.: Издательство «Книжная палата», 1990. 400 с.

Кржижановский С. Д. Сказки для вундеркиндов: Повести, рассказы. М.: Советский писатель, 1991. 704 с.

Кржижановский С. Д. Сочинения: в 6 т. Т. 1. СПб.: Symposium, 2001. 687 с.

Кржижановский С. Д. Сочинения: в 6 т. Т. 5. СПб.: Symposium, 2006. 688 с.

References

Belobrovtsseva I. *The world which was heard: about the “phonetic sphere” of Sigizmund Krzhizhanovsky*. <https://sites.utoronto.ca/tsq/14/belobrovtsseva14.shtml>. (In Russian)

Belobrovtsseva I., Kul'yus S. The novel of M. Bulgakov “The Master and Margarita”. A commentary, Moscow, 2007, 496 p. (In Russian)

Giuliani R. Bulgakov and the characters of “The Master and Margarita” in the mirror of melancholy. *Roman Bulgakova “Master i Margarita”: dialog s sovremennost’yu* = The Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”: a dialogue with the current time, St. Petersburg, 2020, p. 137–149. (In Russian)

Giuliani R. The genres of Russian folk theater and the Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”. *M.A. Bulgakov-dramaturg ikhudozhestvennyakul’tura ego vremeni* = M.A. Bulgakov-playwright and fiction culture of his time, Moscow, 1988, p. 312–333 (In Russian)

Kaprusova M. N. The motif of destruction / trespassing the norm in a dwelling in the Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”. *Acta Eruditorum*, 2020, no. 1. <https://doi.org/10.25991/AE.2020.34.1.024>. (In Russian)

Karpukhina V. N. Space semiotics in the translations into English of M.A. Bulgakov’s and S. D. Krzhizhanovsky’s texts. *Roman M. Bulgakova “Master i Margarita”: dialog s sovremennost’yu* = The Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”: a dialogue with the current time, St. Petersburg, 2020, p. 218–230. (In Russian)

Kolysheva E. Yu. «An eternal home» space in the history of The Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”. *Filologicheskienauki. Nauchnyedokladyvysheyshkoly* = Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, 2021, no. 1, p. 107–118. <https://doi.org/10.20339/PhS.1–21.107>. (In Russian)

Livskaya E. V. Philosophical and aesthetic searches in the prose of S. D. Krzhizhanovsky. Philol. Cand. Diss., Moscow, 2009, 219 p. (In Russian)

Lotman Yu. M. Semiosphere, St. Petersburg, 2000, 704 p. (In Russian)

Lunina I. V. The artistic world of S. D. Krzhizhanovsky’s novels: person, space, communication. Philol. Cand. Diss., Krasnoyarsk, 2009, 166 p. (In Russian)

Manskov A. A. Vision and hearing in the fiction world of S. D. Krzhizhanovsky. *Sibirskiyfilologicheskizhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2022, no. 1, p. 63–72. <https://doi.org/10.17223/18137083/78/5> (In Russian)

Manskov A. A. The process of psychic death of a character in the novel by S. D. Krzhizhanovsky “A corpse autobiography”. *Sibirskiyfilologicheskiiy forum* = Siberian philological forum, 2024, no. 3 (28), p. 70–81. <https://doi.org/10.24412/2587–7844–2024–3–70–81> (In Russian)

Manskov A. A. S. Krzhizhanovsky and V. Bryusov: the specifics of fiction dialog. *Yazykiiliteratura v polikul’turnomprostranstve* = Languages and literature in the multicultural space, Barnaul, 2023, p. 85–91. (In Russian)

Moiseeva E. E. Fiction world of the prose by S. D. Krzhizhanovsky. Abstract of Philol. Cand. Diss., Ekaterinburg, 2002, 23 p. (In Russian)

Petrovskiy M. Mikhail Bulgakov and Vladimir Mayakovskiy. *M.A. Bulgakov-dramaturg ikhudozhestvennyakul’tura ego vremeni* = M.A. Bulgakov-playwright and fiction culture of his time, Moscow, 1988, p. 369–391. (In Russian)

Toporov V. N. "Minus" — space of Sigismund Krzhizhanovsky. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* = Myth. Ritual. Symbol. Image: the research in the field of mythopoetics, Moscow, 1995, p. 476–574. (In Russian)

Yablokov E. A. Western-Eastern fool: meaning hybrids in the comedies by A. Platonov and S. Krzhizhanovsky. *Gibridnye formy v slavyanskikh kul'turakh* = Hybrid forms in Slavic cultures, Moscow, 2014, p. 264–274. (In Russian)

Yablokov E. A. Prosaic motifs of Mikhail Bulgakov, Moscow, 1997, 199 p. (In Russian)

Haber E. C. Mikhail Bulgakov: The Early Years, Cambridge, Mass.; London, England, Harvard Univ. Press, 1998, 285 p.

Ingold F. P. Der Augenblick der Wortlosigkeit. Eine Meistererzählung von Sigismund Krzyzanowski. <https://www.nzz.ch/feuilleton/buecher/der-augenblick-der-wortlosigkeit-1.18696273>

Karpukhina V. N. Mikhail Bulgakov's Satire: Zoomorphic Semiotic Codes *Yazyki i literatura v polikul'turnom prostranstve* = Languages and literature in the multicultural space, Barnaul, 2023, p. 71–76.

Russell R. The Modernist Tradition. The Cambridge Companion to the Classic Russian Novel. Ed. by Malcolm V. Jones, Robin Feuer Miller, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1998, p. 210–232.

Weeks L. D. Houses, Homes, and the Rhetoric of Inner Space in Mikhail Bulgakov. *The Master and Margarita: A Critical Companion*. Ed. by Laura D. Weeks, Evanston (Ill.), Northwestern Univ. Press, 1996, p. 143–163.

List of Sources

Bulgakov M. A. Coll. works in 5 vols. Vol. 2. Diaboliada; Fatal eggs; The dog's heart; Stories; Feuilletons, Moscow, 1989, 751 p. (In Russian)

Bulgakov M. A. Coll. works in 5 vols. Vol. 3. Plays, Moscow, 1990, 703 p. (In Russian)

The diary of Elena Bulgakova, Moscow, 1990, 400 p. (In Russian)

Krzhizhanovsky S. D. Tales for children prodigy: Stories, Moscow, 1991, 704 p. (In Russian)

Krzhizhanovsky S. D. Works in 6 vols. Vol. 1, St. Petersburg, 2001, 687 p. (In Russian)

Krzhizhanovsky S. D. Works in 6 vols, vol. 5, St. Petersburg, 2006, 688 p. (In Russian)